

АЛЕКСАНДР ТРАВНИКОВ

ВСЁ ВПЕРЕМЕСКУ

ИЛИ

МАГАЗИН
НЕНУЖНЫХ
ВЕЩЕЙ

КНИГА РАССКАЗОВ

Александр Травников

**Все вперемешку. Или
Магазин ненужных вещей**

«Издательские решения»

Травников А.

Все вперемешку. Или Магазин ненужных вещей / А. Травников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508087-5

Это седьмая книга коротких рассказов Александра Травникова. У предыдущих шести уже более пятидесяти тысяч читателей. Называется новая книга «Все вперемешку, или Магазин ненужных вещей». Всё в ней — не более чем литературное зеркало реальных и выдуманных событий глазами писателя. Возможно, зеркало несколько замутнённое. А может быть, и нет... Но автор старался, чтобы нисколько не пострадали реальные прототипы героев. Хотя бы их психика. Приятного чтения.

ISBN 978-5-00-508087-5

© Травников А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Домовой	7
Чтобы лох2 цепенел	8
Эссе о запятой	9
В чём ошибался Костя	11
Ремонт и лампочки	12
Федя и мафия	13
Девушка на выданье и Таганрог	14
Повышение градуса	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Все вперемешку Или Магазин ненужных вещей

Александр Травников

© Александр Травников, 2019

ISBN 978-5-0050-8087-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга из серии городских рассказов. В городе всегда много чего интересного происходит. Люди разные опять же. Много людей. Очень. Где много людей, там много событий, параллелей, пересечений под разными углами, мешанина амбиций и так далее и тому подобное. Именно по этой причине седьмой сборник городских рассказов я назвал «Все вперемешку, или Магазин ненужных вещей». Потому как систематизации все это поддается с трудом. Разве что потом, когда наберётся отдельный массив разнообразных событий, которые можно подвергнуть хоть какой-то систематизации.

В городе ведь как? То одно. То другое. Иногда третье. Просто по улице идёшь, и на тебе. Событие вселенского масштаба. А уж если люди узнают про то, что ты писатель, то всё. Пока пары-тройки рассказов из своей личной жизни не поведают, не отпустят. Даже потом, по прошествии пары лет, напомнят:

– А помнишь, написал?

Скажешь «нет», обидятся. Начинаешь выкручиваться. Не обижать же. Ведь не поделишься статистикой, что из ста рассказов посторонних едва один-два пойдут в дело. Потом из ста написанных, когда отлежатся пару месяцев, две трети в корзину. И даже без сожаления. Именно поэтому в эту книгу вошли только три десятка зарисовок.

И всё одно будут обиженные. Обиженными будут те, кто, по их мнению, попал в прототипы персонажей. Обиженными будут те, что зря поведали свои истории писателю. Затем и третьи найдутся, которые обижены, потому что сами себя узнали в том или ином персонаже, действующем лице или участнике событий.

В рассказах никакой морали и поучений. Только зарисовки с натуры. Зато их мимоходом набралось на седьмую книгу. Потому считаю – время пришло. Пора публиковать. Вам же самим решать: читать или нет?

Александр Травников

Дантово ущелье 1 ноября 2018 года

Домовой Нищие хроники

Пойдёшь за хлебом – на сюжет наткнёшься. Идти-то двести метров, и всё одно: наткнёшься на нечто из ряда вон выходящее. Так вот ходишь регулярно и внимания не обращаешь. За хлебом пошёл – и на тебе. Сто раз ходил – внимания не акцентировал.

Как новую остановку поставили, концептуальную, так и хожу мимо. Внимания не обращаю. А тут обратил и удивился. Новые остановки – это с двух сторон навес, а посередине или сбоку торговая точка. Кофе, булочки, пирожки, сигареты с папиросами. Вот и здесь так же.

Шёл бы с другой стороны, так бы и не увидел. А пошёл с этой, голову повернул, и на тебе – явление городской жизни. В углу сидит на лавочке бомж. Под лавочкой аккуратненько тапочки. Рядом пакеты с барахлом. Приличный такой бомж, грязный, затасканный, всё, как положено, и завтракает. И тут я вспомнил, что он в этом месте уже полгода как обитает. Стояли холода, а он уже был. Стена-то точки общепита тёплая. Помню, что ночью он так и спит на лавочке остановки. Полиция мимо проезжает, но его не видно. Он уже полгода как хозяин остановки, а его никто не замечает. Дворники бы заметили, но он не мусорит. Он живёт на этой остановке.

Покопался в памяти – и точно. Вспомнил другие такие же «очаги городской культуры». Точно! У каждого есть свой хозяин. Пообжили граждане остановки. Интересно, чем всё это закончится? Хотя... Кому они мешают? Оно же как? У каждого очага свои лары¹. Но это у них, в Европах разных. А у нас вот домовыми называются. Их не видно, а они есть.

¹ Лары – домашние божества. Хранители домашнего очага в римской традиции. Домовые по-нашему.

Чтобы лох² цепенел

Пообщаешься с творческими людьми, ума наберёшься. Судите сами. Сняли фильм. Обсуждаем получение прокатного удостоверения. Фильм про шпионов. Пойдёт на фестивали, туда-сюда.

Зашла речь про музыку и озвучку. Народ спорит и ругается. Сам себя и голос свой, оказывается, не узнаёт. Расстраивается.

Алексей Королёв (музыкант такой есть, скрипач и аранжировщик из Москвы³), рассказывает:

– Пришли к одному в студию. У него аппаратуры – какую пожелаешь. Всё лампочками моргает. Всякие там кнопочки и тумблеры. Микрофоны и инструменты. «Тебе зачем всего столько? – спрашиваю. – Девяносто процентов лишнего и старья». «Я, – отвечает хозяин студии, – деньги зарабатываю». «А это?». «Это чтобы лох цепенел».

² Лох – в античных армиях, по-гречески, единица воинского подразделения типа роты или взвода, но сформированная по родственному принципу. Ныне слово «лох» обозначает потенциальную жертву обмана, которую не просто можно, а нужно обмануть и по возможности не расстроить и оставить довольным. Этаким современным Буратинка на поле чудес. Зарыл золотой – и счастлив. Ждёт плодов изобильных.

³ Найдёте на ютубе.

Эссе о запятой

Эссе друга

Есть у меня друг. Если, конечно, так можно сказать: друг. Но то, что близкий знакомый, это точно.

На все случаи жизни у него свои теории, свои философии, свои взгляды, свои метафизики, понятия и парадоксальные высказывания, отличающиеся отсутствием банальности, традиционности и предсказуемости.

Не ждите от меня того, что эта философия будет сколь-нибудь близка мыслям Коридона, которые ему приписал Андрей Жид. В моем эссе сплошные бытовуха и банальщина и только философия момента. Как говорится, философия из жизни. Причём реальной.

Но, как известно, именно такие мысли всегда пища для дискуссий и многообразия мнений. Хотя как знать? Может, это лишь зеркало отношений?

Однако не важно. Первое слово произнесено. Пора переходить к теме. А тем будет много. Хотя, может, и не так уж много. Но уж точно не одна и не две. Говорит он много. Значит, есть о чём поспорить.

Рассказываю. Дело было так. Было лень. Было в лом. Потом пришел Коридон. Коридон заявился неожиданно, утром. Зашёл в гости и с ходу объявил цель своего визита.

- Из лука стреляешь? – спрашивает.
- Стреляю⁴, – говорю.
- Хочу с луком пофотографировать. – Зачем?
- В сети размещу. Пусть завидуют.
- Давай, – говорю.

Снарядил я ему лук. Дал снаряжение, стрелы, поставил к стенке. Он попозировал. Я снял на его мобильник. Потом повёл его к мишени. Полдюжины стрел в яблочко натыкал. Коридон попозировал. Я снимал.

Потом в Интернете вижу фото Коридона с луком и стрелами и подпись сопроводительную: «Мы с Сашей из лука теперь стреляем. Каждый день». В прошлый раз он говорил, что мы с ним книгу пишем. Он – свою, я – свою. Коридон её и сейчас, наверное, пишет. У меня с того времени уже десяток из печати вышел.

Вы спросите: причём здесь история с запятой? Рассказываю. Написал я рассказ. Когда перечитывал, нашёл, что вместо точки машинально поставил запятую. «Потом исправлю», – подумал. Так и забыл. Рассказ повисел в Сети, потом пошёл в журнал. Из журнала – в сборник. Затем оказался в книге. Везде были редакторы и корректоры. Сам вроде как проверял и вычитывал. Читатели вроде как читали. Да и я вроде себе пометку сделал, что запятую на точку надо заменить. Листаю недавно годичной давности книгу. И что? А то, что как была эта самая запятая вместо точки, так и осталась. Бессмертная она, запятая эта.

Вот и я сказал это Коридону:

– Может, и в самом деле стрельбой из лука займёшься. Чего откладывать на потом? Забудешь потом. И будет у тебя, как у меня с этой самой запятой. Замотаешься и забудешь, что из лука собирался начать стрелять.

⁴ Из врожденной скромности сознаю, что стреляю у себя в «Замке». Там дистанция позволяет стрелять даже на двадцать пять метров. Вот так и маемся от безделья. В прошлой жизни барон фон Торнау. На наследство не претендую, но титул мой. Делиться пока не буду, а то и так из-за этого ко мне, когда служил в КГБ, была неоднозначность восприятия: родственники, всё такое... Сплошные репрессии по классовому признаку из-за прапрадедушек-генералов (К. А. Травников, В. Н. Чикалин) и справка бабушки Оли из сельсовета с печатью и подписью, что она не Чикалина и не Мария Фёдоровна. А то мало ли что, пока дедушка Фёдор в Крыму полковничал у Я. М. Слащева-Крымского.

Обиделся на меня Коридон.

– Ты, – говорит, – все мои начинания под откос пускаешь. Как с книгой. А я и вправду её пишу.

– Двадцать лет?

– А ты как думал? Шедевр надо выстрадать. Чтобы как у тебя с этой самой запятой не получилось. Я в отличие от тебя ничего не забываю.

В качестве резюме (эссе всё-таки): я полагаю, суть его в том, что не следует откладывать на потом ничего. Запятую особенно. Не будет потом никакого «потом»!

В чём ошибался Костя

Недавно шел через городской сквер. Сквер старый. Знакомый с детства. Но слон теперь стоит в другом месте. Раньше слон стоял посередине фонтана. В том фонтане очень давно, полстолетия назад, с друзьями пускали кораблики. Полууправляемые, на батарейках «Крона» в девять вольт. А иногда на «венгерке». Кто в курсе, тот понял. Но не о том речь.

На краю парка годах примерно в 90-х несколько друзей поставили большой крест. Мол, от нас городу на память. Рядом табличку на камне бронзовую прикрутили, кто крест поставил. Чтобы помнили про них.

Прошли годы. Вначале вместо одной таблички появилась другая. На ней вместо четырёх имён и фамилий было уже три. Одну вычеркнули – и забыли. А потом, когда всех этих героев 90-х не стало, бронзовая табличка и вовсе исчезла. Пару лет назад, помню, была. А вчера шел – нет больше таблички. Совсем. Крест есть. Камень есть. Таблички нет. И памяти о героях 90-х тоже больше нет.

Людей по скверу в центре города гуляет много. Особенно с детьми. Фонтаны с подсветкой работают. Игровые площадки. Мальчик на слоне, а вокруг зелёные крокодилы.

Прямо напротив сквера и креста, через дорогу, забор. Там теперь только колотые пыльные кирпичи в известке от старого офиса. Раньше ребята подходили к окну, любовались крестом в сквере и тем, что память им на века обеспечена. Отмолили грехи. И теперь нет ни таблички, ни офиса, ни героев 90-х. Сгинули. Прошло всё транзитом.

Спросил у одного знакомого, что постоянно в сквере гуляет, так как в соседнем доме живёт для бывшей номенклатуры:

– А куда табличка с именами делась?

– Какая такая табличка? Не было никакой таблички. Крест был. Камень был. Таблички не было.

– Ну как же? – попробовал возразить ему я.

– Я тут со времён советской власти живу. Не было тут никакой таблички.

Может, и вправду не было таблички? Может, запомятовал? Вроде нет. Помню, Костя Плешаков, Сашкин брат, лично таскал меня на крест и табличку со своим именем посмотреть.

– Вот, – говорил, – теперь память обо мне на столетия останется!

Ошибался Костя.

Ремонт и лампочки

Нищие хроники

Когда в офисе сделали ремонт, всего было использовано девяносто лампочек. Через полгода половина этого дерьма перегорела, а ещё через год перегорели все остальные. Ровно через полтора года лично мной с использованием заранее приобретённой раскладной лестницы вместо дерьма было вкручено девяносто отличных энергосберегающих светодиодных лампочек новой формации. Уже полгода ничего не перегорает, предохранители не выбивает.

Теперь арифметика. Мастерам было выдано на лампочки пятнадцать тысяч рублей. Судя по количеству перегоревших лампочек и их ценам на рынке, мастера израсходовали шестьсот тридцать рублей. Большие коробки из-под них до сих пор в сарае валяются. Всего на замену лампочек было израсходовано пятнадцать тысяч рублей.

В курсе, наверное, что есть всякие там лампочки с тёплым и холодным светом? Но не суть. Суть в том, кто мне доктор. Хотя, если бы вмешивался, то, вместо удвоения расходов, ремонт мне бы делали до сегодняшнего дня. И всё это без услуг прораба. Всё на честном слове.

Одно спасало. Справочник военного строителя. Там нормативы качества были. Никто недотягивал. Но книжки этой страшно мастера боялись. Кто-то украл. Наверное, руководствуются в работе.

Федя и мафия

Адвокатские практики

Мафию никто не видит. Но она есть. Она рядом. Она не спит. Мафия всегда караулит, где что плохо лежит. Федя не знал этого. Зато это знала его семья.

Когда-то у Феде было всё. Мясокомбинат. Десяток участков на море. Ресторан в центре города. В общем, всё. Но время берёт своё. Заболел и Федя. Тромб в ноге. Плохо с головой, но выздоровел.

Друзья-собутыльники Федею не бросили. Федя друзей тоже не бросил. Выздоровел, и все гульки закрутились по-новой. Однако выяснилось, что и мясокомбинат куда-то делся. И участки на море. Федя был всё так же хлебосолен и гостеприимен. Только в кредит друзей Феде в его ресторане обслуживать перестали. Однако Федя не ударил в грязь лицом. Друзья помогали как могли. Помогали осваивать Федеины капиталы. Федя отвечал взаимностью и обещал, обещал, обещал...

Вдруг пришло несчастье. Совершенно неожиданно у Феде после болезни умер отец. Почти в сто лет умер. Умер и оставил после себя завещание. Всё отошло Федеиной сестре и его старшему брату. Феде же – ноль. Совсем ничего.

Скажите: несправедливо? Не спешите. Только тут и теперь вскрылись главные подробности. Оказывается, Федя, чтобы не ударить лицом в грязь, понабрал экспресс-кредитов в киосках типа «Быстроденьги» на неотложные нужды. Взял Федя шестьдесят тысяч рублей. Процентов за полгода набежало восемьсот тысяч рублей. Адвокат затребовал с Феде аж триста тысяч рублей, да и то по дружбе.

Кредиторы активизировались. Пришли за Федеиным. Требуют мясокомбинат, участки на море, требуют переписать ресторан. А Феде что? Ресторан принадлежит гражданской жене. Всегда принадлежал. Всё остальное теперь по наследству принадлежит сестре. Феде же из наследства дырка от бублика досталась. Нет у него ничего. Пролетели друзья.

В жизни Феде, по существу, ничего не изменилось. Разве только друзей стало поменьше. Хотя, если всего не рассказать, непонятно будет. У Феде действительно всё хорошо. Вот только мочиться он ходит в квартире сестры в угол, и мочится исключительно на телевизор. Не знаю, правда ли это. Однако справка такая от психиатра точно есть. Болен он, оказывается, на голову.

Окружающие и друзья даже не догадывались. То, что должен был Федя не друзьям, а компаньонам, то есть не мелким жуликам, а серьёзным дядям, так что теперь с него возьмёшь? Нет ничего теперь у Феде, кроме справки.

Вот такая адвокатская история вам на заметку. Мафия в печали. Обманул их Федя. Одно слово – семья.

Девушка на выданье и Таганрог

Антон Павлович Чехов тоже когда-то писал коротко и содержательно. Когда ему стали платить за каждую строчку ввиду их очевидной нетленности, всё изменилось в лучшую сторону. Правда, сам Антон Павлович так и довольствовался одной комнаткой, служившей ему и кабинетом, и спальней, и столовой, чтобы от строчек не отвлекаться. Зато, где еще окно можно было открыть и подышать таким свежим воздухом, как не в Крыму.

А огромное поместье было в распоряжении его близких, пока не революция и не его переход в разряд музейных ценностей, которые, как известно, всегда принадлежат государству.

Нечто подобное, о чём я собираюсь рассказать, только пока кратко, есть и у Антона Павловича Чехова. Только у него другие времена, другие нравы и другие перспективы героев. Однако суть одна и та же.

Притащила в гости свою подругу одна моя знакомая из числа известных журналистов. Лет за пятьдесят. Но всё так же на выданье. Она, конечно, всех утомила своими разговорами и истинами. Но не о том речь.

Увидела гостья-девушка в гостиной пианино. Хорошее такое пианино. Немецкое. Старое. Коричневое. Без пыли, но последний раз настроенное лет пять назад.

– Сыграю? – спрашивает гостья.

– Сыграй, – говорю.

Попробовала. Вроде бы как умела, но пианино старое.

– Клавиши не такие.

– Чего не такие?

Тут зам главного в прессе подсказывает:

– А ты вон то произведение сыграй!

– Какое, то? – разворачивается к ней всем корпусом подруга.

– Ну, которое ты у меня играла. Дома у меня? Помнишь?

– А-а-а, – отвечает та, радуясь подсказке. И как вдарит по клавишам!

Полминуты грохот стоял.

– Ну и так далее, – остановила свою игру гостья на начале симфонии. – Я, – говорит, – эту мелодию в одиннадцать лет написала.

Я из вежливости промолчал. Не слетело у меня с языка: а что дальше-то на сочинительском поприще? Правильно сделал, наверное, что промолчал. Так как гостья увидела на столике хрустальную вазу в серебре с конфетами и спросила радостно:

– Я возьму?

– Возьми, – говорю.

Гостья сумку раскрывает и всё содержимое вазы вместе с крымскими шишками для красоты в нее одним махом высыпает.

– Мы пойдем? – закрывая сумку, спрашивает.

– Идите, – отвечаю я и крышку «Рёниша» за «юной» композиторшей весом в сто двадцать килограммов закрываю.

– Мы ещё зайдём? – спрашивают на пороге.

– Заходите, – отвечаю. – Только позвоните заранее.

Сам грешным делом думаю: вот, блин, в магазин за конфетами надо сходить. Люди придут, а к кофе и подать нечего.

И мысль меня почему-то к Чехову отправила. У человека в одиннадцать лет талант проявился. И? Куда талант делся? Или не было никакого таланта? Может, я что-то путаю? Спросите: при чём тут Таганрог? Да при том. Чехов-то родился в Таганроге? В Таганроге. Так вот, есть слухи, что Антон Павлович на самом деле царских кровей.

Хотя это отдельная история, но вот Владимир Набоков-то точно по крови из императорских. Ну, так про него некоторые информированные люди считают. Я с ними согласен. Иначе откуда таланту-то взяться в Таганроге? Про колхоз «Путь Ильича» я и вовсе молчу.

Повышение градуса Нищие хроники

Вроде как требования становятся всё умереннее и умереннее. Вниз идут хотелки-требования. Но это только так кажется. На самом деле идёт повышение градуса. Аферисты на доверии, они такие. Хоть клочок шерсти. Вдруг прокатит?

Завтра банкет на шестнадцать человек. Кафе закрывается. Музыкант. Шашлык. Обязательно чача. Меню. Считаем. Наташа сразу обрадовалась. Первый день работы администратором, и такой клиент.

– Я – Елизавета Борисовна. Меня тут все знают. Новенькая? Меня и бандиты знают. И администрация. Я в прокуратуре работала. Сейчас мотаюсь: Италия, Испания, Финляндия. У меня денег полно.

Наташа и слова не могла вставить.

– Кто у тебя хозяин? Посчитала? Сколько? Отлично. Завтра утром мне деньги переведут, и я из банка сразу к тебе. Аванс привезу.

Наступило утро. Ровно 9:00. Никого нет. Надо на закуп. Борисовна обещала аванс на закуп. В 10:00 звонок:

– Я ещё в банке. Вы на закуп съездили? Вы мне банкет не сорвите. У меня веский повод. Я послезавтра в Италию уезжаю. Проставиться надо.

– Нет! – отвечает Наташа. – Жду аванса.

– Да всё будет нормально. Сейчас приеду, – уверенно заявила Борисовна.

И через пятнадцать минут действительно вышла из такси.

– Ну что вы меня подводите? Я серьёзных людей пригласила.

– Мы готовы! – стала волноваться Наташа за судьбу банкета. – Успеем. Аванс привезли?

– Да что ты заладила! Меня все знают.

– А деньги?

– Будут деньги. Пока не перевели. Банк подводит. Но ты не переживай. Давай тебе валютный счёт откроем?

– Зачем?

– Так недорого. Вот тебе и аванс будет.

– Нет. Мне хозяин не разрешил. И муж против.

– Звони хозяину. Он меня знает. Звони.

Полчаса прошло в монологе Борисовны. В сухом остатке:

– Вот смотри: мой паспорт. Мне завтра в Милан лететь. Дай десять тысяч. Я отдам.

– Нет в кассе десяти тысяч.

– Ну две-то есть? Вон клиентов сколько.

– Не могу. Поставщики сейчас приедут.

– Ну, погоди. Не будет тебе банкета! Я пойду в другое кафе. Пусть они заработают.

Вечером в последнюю неделю августа и лета, когда уже давно темно, но жара только собиралась спадать, в парке гулял народ и гремела музыка. Уже перед самым закрытием появилась изрядно начаченная Борисовна со-товарищи, начаченными ещё больше, до штормового состояния. Зажигательная музыка собирала теперь весь парк, так как другие заведения уже закрывались.

Слово за слово – музыкант зашивался в заказах. В конечном итоге именно музыкант получил в глаз вначале от Борисовны, а потом и от группы её начаченного сопровождения. Насилу Борисовну пэпээсники утихомирили. Теперь суд. Музыкант не простил фингала под

глазом и лишения летнего заработка в силу временной потери трудоспособности и товарного вида.

Борисовна и в самом деле оказалась известной личностью в узких кругах. Но стареет. Утратила навык. Зато ранее на доверии сколько денег ей понадавали добрые люди авансом! И за прописку, и за дешёвую квартиру, и за кредит в банке. Всё! Пришли другие времена. Недоверчивые нынче люди. А сколько банкетов на халяву она понаорганизовывала по всему побережью Чёрного моря? Теперь уже и не подсчитать. Отгуляют – и в темноту летней ночи. Как только народ верил, что всё закончится хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.